

Питцины атаковали с яростным ревом Шеренги дикарей в косматых шкурах и колпаках надвигались, оставляя позади мертвые тела. Проклятья, вой, и стоны раненых раздавались над равниной, заглушая низкое гудение летящих тексиновых глыб и свист стрел.

Но Орг оказался более опытным стратегом, чем полагал Роман. Внезапно ряды копьеносцев замерли, потом стремительно откатились назад на тридцать ярдов. Очередной залп с крыши фабрики ударил в пустоту, засыпав землю стрелами и кусками тексина. Роман выругался и велел прекратить огонь. Боеприпасов было немного, и тратить их впустую он не собирался.

Слева и справа из-за длинной цепи варваров показались косматые фигуры. Цебоиды Хончо! Орг бросил их в атаку на оба фланга обороны. Маневр был ясен Роману – король питцинов не больше его самого дорожил цебоидами. Он послал половину отряда мужчин тарниотов поддержать свои фланги.

Схватка цебоидов была короткой и жестокой. Солдаты Хончо навалились со звериным рыком, размахивая мечами. Батарея на крыше фабрики молчала – Роман не хотел тратить стрелы и снаряды на цебоидов, хотя фланговый огонь мог превратить нападавших в кровавую кашу. Его собственные бойцы держались неплохо, подстрахованные сзади тройной линией ньютеров-надсмотрщиков, цебоидов охраны и тарниотов. Роман видел, как дрогнули и подались назад некоторые из его ньютеров; охранники с радостным ревом рубили их короткими клинками, сводя старые счеты.

Ньютеров Хончо никто не подгонял. Они нахлестывали своих цебоидов, но когда атака захлебнулась, и мохнатые бойцы, отбросив оружие, начали драться когтями и зубами, уstraшенные ньютеры противника заколебались. Роман велел дать залп, и град тексиновой шрапнели обрушился на нападавших. Это решило дело. Побросав кнуты, ньютеры бросились бежать; с остатками солдат Хончо было покончено в две минуты.

Роман, приставив к глазам ладонь, посмотрел на боевые колесницы. Они все еще стояли в тылу, сверкая длинными лезвиями, насаженными на оси колес. Около них лежала на земле Зулькия, рядом стоял Хончо. Ни Орга, ни Тоты Роман не заметил. Потом за шеренгой питцинов мелькнула гибкая фигурка в шлеме с развевающимся конским хвостом. Тота! Она бежала к колесницам.

Снова заревели рога, раздался бой барабанов, и линия варваров решительно пошла в атаку.

Роман послал на стену своих стрелков – девушек-мейдак. Защелкали пневматические ружья, засвистели короткие стрелы, опустошая ряды приближавшихся питцинов. Первая цепь достигла проволочного заграждения и начала подниматься по откосу к стене. Внезапно раздался крик ужаса и боли. Варвары остановились, но новые толпы напирали сзади, выжимая передовых к основанию баррикады. Стрелки Романа сеяли смерть. Снова заработали катапульты, с глухим протяжным стоном выбрасывая куски тексина и огромные шестифутовые дротики, протыкавшие сразу трех-четырех человек. Питцины валились, как скошенные колосья, но по телам павших волна за волной упрямо шли новые смертники.

Роман довольно потер руки. Все шло по плану. Кровавая бойня, под стеной продолжалась, жадной пастью всасывая отряд за отрядом и превращая их в месиво раздробленных костей, плоти и обломков оружия. Он бросил взгляд туда, где за пепелищем уничтоженного лагеря стояли колесницы. Они не двигались.

Теперь он заметил Орга. Тот, как разъяренный кабан, ворочался среди кольев, орал, подгоняя своих бойцов ударами меча. Его руки и ноги были исцарапаны, глаза обезумели, с губ текла

пена. Искушение охватило Романа. Если он сейчас доберется до Орга и прикончит его.... Нет! Нельзя! Он видел, как пришли в движение колесницы. Они еще не атаковали, но четкие силуэты боевых повозок начали растягиваться в линию.

Прибежал гонец от Исмы. Может ли она вывести за стену свой отряд и перерезать питцинов? Роман осмотрел поле битвы. У варваров еще оставались четыре свежие шеренги, за ними угрожающе нависал ряд колесниц. Он тронул посыльного за плечо.

– Женщины пусть стоят на месте. Но Верховная Жрица может послать отряд мужчин.

Удобный случай избавиться от этих ублюдков. Питцины съедят их заживо.

Исма подчинилась приказу. Но с небольшим дополнением: отряд тарниотов жрица возглавила сама. К тому времени, когда они просочились наружу сквозь узкий проход в баррикаде, Орг с полусотней воинов сумел вырваться из колючих тисков проволочного ограждения. Питцины с ревом набросились на отряд Исмы. Сверкали мечи, рассекая тонкие парадные доспехи тарниотов, летели головы, лилась кровь; дикие торжествующие вопли раздавались под стеной. Клинки варваров вкушали теплую плоть на пиру смерти! И сердца озверевших воинов наполнялись восторгом.

Тарниоты, обороняясь, гибли один за другим. Исма сражалась в первом ряду, меч ее мелькал как жало змеи. С фатальной обреченностью мужчины защищали свою госпожу, то там, то тут падал на землю питцин, пронзенный тексиновым клинком, но все же это сражение больше походило на бойню.

Исма начала отступать к проходу. Король, вокруг которого валялся десяток трупов в расколотых доспехах, увидел ее и взревел. Сделав стремительный выпад, он проткнул живот одному противнику, отсек голову другому и ринулся вдогонку за жрицей.

Роман махнул Зено в сторону катапульт, приказывая прекратить обстрел, и в два прыжка соскочил с помоста. Он не хотел, чтобы Исма погибла в этой сумятице. Мужчины – пусть, они пригодны только на то, чтобы прикончить три-четыре дюжины варваров. Но Верховная Жрица еще была нужна. Он не знал, как женщины будут сражаться без нее.

Исма и двое мужчин сумели добраться к проходу, но Орг с шестью воинами уже наседал сзади. Питцины окружили отступивших полукольцом и вынудили обороняться. Тарниоты упали друг за другом на труп заколотого питцина, и Орг радостно осклабился. Его тяжелый меч скрестился с тексиновым лезвием, раздался лязг, оружие исчезло из рук Исмы. Король опять хищно осерил зубы и, наслаждаясь, неторопливо потянулся клинком к животу жрицы.

Но Роман уже стоял за ее спиной. Он дернул Изму за плащ, отбросив назад, в безопасный сумрак прохода; огромный меч свистнул, и клинок Орга метнулся в сторону. Следующий удар расколол его шлем. Питцин выругался, отступил на два шага, подняв щит, чтобы отразить выпад Романа. Видимо, он был оглушен – толстые короткие ноги дрожали, сальные космы свесились на помутневшие глаза.

Питцинский воин бросился между Романом и своим королем, с разгона напорвшись на меч. Толчок был так силен, что Роман отшатнулся; его клинок пронзил тело варвара насквозь и вышел из спины на полфута. Он никак не мог освободить его. Рукоять, украшенная камнями и залитая кровью, скользила в ладонях. Глаза Орга внезапно ожили, заблестели. Король махнул рукой в сторону Романа и проревел приказ четверке своих воинов.

Он успел вовремя вытащить меч. Клинок, словно живой, трепетал в его руке. Один из варваров

попытался зайти сбоку. Роман прыгнул, сделал ложный выпад в живот и рассек питцину горло. Он подхватил рукой падающее тело, потом резко толкнул его под ноги нападавшим. Два воина упали, отчаянно стараясь дотянуться до него короткими тяжелыми клинками. Первого он обезглавил одним ударом, потом проткнул грудь второму. Древний меч пил вражескую кровь, высвистывая смертельную песню.

Орг подкрадывался слева, раскручивая над головой шипастый кистень. Железный шар метнулся, опускаясь прямо на шлем Романа. В голове у него вспыхнула молния; оглушенный, он шагнул назад, восстанавливая дыхание. Следующий удар разведчик отразил щитом и, рубанув наотмашь, рассек плечо Орга. Король взревел, перебросил кистень в левую руку и продолжал наступать.

Справа заходил последний оставшийся в живых питцин. Роман сделал стремительный выпад, и варвар медленно осел на землю. Он повернулся к Оргу, но тот не атаковал. Громко скликая своих воинов, он мчался вниз, перескакивая через поваленные столбы заграждения.

В следующий миг Роман поглотила плотная масса женских тел. Исма повела в бой свою фалангу, и позади в баррикаде зиял широкий пролом. Сотни разъяренных воительниц с песнями и криками пронеслись мимо Романа, устремившись на равнину. Это было почти катастрофой. Он знал, что не сможет остановить их, женщин обуяло кровавое неистовство.

Питцины откатились назад, Орг пытался перегруппировать воинов. Женщины преследовали их, рассыпавшись неровной цепью. Роман застонал. С возвышения у стены он видел, как четыре уцелевшие шеренги врагов сбивались в плотный строй, за ним широким полумесяцем разворачивались колесницы. Тота вела их в бой. Она стояла рядом с возничим, потрясая копьём; круглый маленький щит прикрывал грудь.

Кажется, Исма почуяла опасность и стала строить женщин в каре. Роман побрел вниз через заваленный трупами частокол. Голова у него раскалывалась, из десятка неглубоких ран текла кровь, доспехи были измяты и порублены. Ему невыносимо хотелось передохнуть, но там, на равнине, сейчас решалась судьба битвы.

Он протолкался к Исме в середину фаланги. Ее окружали остатки отряда тарниотов, жалкие и перепуганные. Но об Исме этого сказать было нельзя. Она опиралась на длинное копье, окровавленный меч висел на поясе, голова не покрыта, густые темные волосы, перепачканные в земле, рассыпались по плечам. Ее панцирь был расколот ударом меча, на груди алела длинная царапина. Жрица встретила Романа ледяной улыбкой.

– Ты видишь, как мы умеем сражаться, мой господин! Еще немного – и это гнусное отребье будет втоптанно в грязь!

Роман мрачно покачал головой.

– Сомневаюсь, Исма. Нам надо вернуться назад под защиту стены, пока еще осталась такая возможность.

– Нет! Мы дадим бой здесь! И здесь мы победим или погибнем!

Роман понял, что спорить бесполезно. С высоты своего роста он оглядел равнину. Резервы Орга еще не вступали в сражение. Потрепанные и обескровленные отряды, штурмовавшие баррикаду, откатывались назад, к опаленному огнем лагерю. Остатки питцинских лучников рассеялись по полю, заваленному телами мертвых и раненых бойцов. Колесницы, по-прежнему развернутые широким полумесяцем, переместились на левый фланг. Пожалуй, еще не все

потеряно. У них был шанс, если... если он восстановит свою власть.

Он повернулся к Исме.

– Хорошо. Мы останемся здесь и будем сражаться. Я даже попытаюсь выиграть этот бой, если ты не станешь мешать.

Черные глаза гневно блеснули, потом Исма склонила голову. Она добила своего и, видимо, понимала, что дальнейшую стратегию лучше передать в руки Романа.

Он начал перестраивать каре в шесть плотных шеренг. Впереди встали смертники-тарниоты; они примут на себя первый удар. Женщины, сохранившие копья и щиты, выстроились за ними и прикрывали фалангу с боков. Катапульты наконец-то перестали вести огонь, что Роман полностью одобрил – в создавшейся ситуации снаряды могли накрыть его отряд. Цебоиды, оборонявшие баррикаду с флангов, сбились монолитными группами и были готовы поддержать атаку.

Оргу удалось остановить бегство своей разрозненной орды. Собравшись вокруг короля, воины строились в колонну, потом начали обходить отряд Роман справа – видимо, Орг хотел отрезать фалангу от укреплений. Роман заметил, что многие дикари ранены или шатаются от усталости – сказывалась бойня под стенами. Он выругался вполголоса, бросив яростный взгляд на Исму. Если бы не ее нелепая выходка, он положил бы у баррикады все войско питцинов!

Ветер стих, немного потеплело. Тучи еще не рассеялись, но кое-где сквозь истончавшуюся темную пелену пробивалось солнце. Бунчуки из лошадиных хвостов, реявшие над резервным войском питцинов, бессильно повисли.

Исма, прикусив губу, разглядывала потрепанный отряд варваров, обходивших их сбоку. Внезапно колонна, словно в нерешительности, остановилась.

– Почему они ждут? Боятся напасть на нас?

Роман отрицательно покачал головой.

– Орг не трус. Наберись терпения – король ударит, когда будет готов.

Он немного приободрился. Зулькия уже не лежала распятой на земле рядом с лагерным пепелищем. Лошади исчезли – вероятно, их отправили вместе с колесницами в боевой строй; звероподобных стражников-питцинов тоже не было видно, и около привязанной к столбу девушки оставался только Хончо. Роман мог поздравить себя – его догадка оказалась верной. Нет, Зулькия слишком ценный заложник, чтобы ньютер прикончил ее из мести, предварительно не поторговавшись.... Вот Тота – другое дело! Она способна на все!

Перед строем резервных шеренг появился Орг. Роман видел, как король поднес к губам рог и протрубил резкий повелительный сигнал. На нем были новые доспехи и шлем; плечо – там, где достал клинок Романа – перевязано.

Линия питцинов начала вытягиваться, выхлестывая налево и направо клинья копьеносцев. Роман со злостью стукнул по рукояти меча. Этот Орг не так прост! Собирается атаковать их с трех сторон! Он взглянул назад. Воины, которые должны были отрезать им отступление, построились в два ряда, передний щетинился копьями, за ним сверкали обнаженные мечи и секиры. Орг протрубил первый сигнал, и полумесяц колесниц начал подтягиваться ближе к центру. План был ясен Роману: два отряда пеших варваров зажмут его фалангу, рассекут ее на

части, и потом колесничие довершат разгром.

Зено дернул его сзади за перевязь. Роман обернулся и рывкнул на своего адъютанта:

– Где тебя носило, парень?

Присев от страха, молодой ньютер вцепился в медальон Мазды, словно боялся, что хозяин сейчас отберет его.

– Я не мог справиться с мейдаками у катапульта, господин... Они словно обезумели! Им было все равно, куда стрелять!

Роман усмехнулся и похлопал Зено по плечу, только сейчас заметив длинные царапины на его щеках. Ногти девушек, несомненно. Ладно, в азарте битвы многое бывает.

– Ты хорошо поработал. Молодец! Оставайся со мной.

Зено поклонился.

В центре войска питцинов взвыли рога, в ответ с флангов донеслись хриплые резкие звуки. Орда двинулась в последнюю атаку. Несмотря на устрашающую близость решительной схватки, Роман испытал мгновенный всплеск удовлетворения. Он здорово измотал и обескровил их! Две трети грозной армии полегло под баррикадами Урсита! И этот бой он тоже сумеет выиграть – лишь бы справиться с колесницами Тоты...

Орг махнул мечом, и варвары побежали вперед под истеричное завывание рогов, обтекая фалангу с боков. Роман обратился к своим воинам с краткой речью:

– Стоять насмерть! Не рассыпаться! Слушать мою команду! Не подчинившихся

– убью! – Он надеялся, что до этого дело не дойдет.

Кивнув Зено, он вытащил меч. Ньютер взмахнул вымпелом на длинном копье, подавая условный знак прислуге катапульта. Орудия снова начали обстрел, и первые ряды питцинов полегли, словно скошенные гигантским серпом. Новый взмах вымпела – и в воздухе засвистели стрелы пневматических ружей, опустошая фланги атакующих.

Теря бойцов, затаптывая раненых в грязь, орда навалилась на шеренгу тарниотов и поглотила ее. Фаланга с трех сторон ошетичилась копьями; под грохот и лязг, под вопли, стоны и боевые крики замелькали сверкающие острия, перемалывая питцинское войско. Иногда в плотном строю появлялся разрыв, и туда с волчьим воем устремлялись варвары, чтобы рухнуть под клинками женщин. Щит ударял о щит, меч о меч, фронт фаланги постепенно таял, сокращался, но она стояла неколебимо.

Взгляд Романа метался среди оскаленных ртов, косматых бород и плоских узкоглазых лиц. Орг! Он должен найти и прикончить его! Без вождя эти варвары не стоят ничего! Хитрый Орг.... Побоялся атаковать на колесницах фалангу.... Для Романа это было открытием. Король, вероятно, понимал, что убитые лошади создадут непроходимый вал перед фронтом каре и берег колесницы для последнего удара. Когда пешие бойцы разрежут, рассекут фалангу, тогда наступит их черед. И они поставят последнюю точку в битве.

Свирепые прищуренные глазки под низко надвинутым шлемом поймали взгляд Роман. Король прорубался к нему, ворочаясь, как кабан, среди израненных тел. Он бился на острие клина

варваров, рассекая фалангу смертельной щелью. Роман знал, что этот прорыв надо закрыть немедленно. И ринулся вперед.

Их мечи скрестились, зазвенели. Выпад, удар, финт и снова удар. Кровь из рассеченной губы пятнала редкую бороду короля, его лицо было маской разъяренного зверя. Под гром и скрежет клинков Орг прохрипел:

- Ну, Мазда, червяк, лжебог, повелитель баб... Я покажу тебе, кто настоящий владыка!

Под его бешеным натиском Роман отступил на шаг и издевательски ухмыльнулся.

- Где твоя дочь-потаскушка, Орг? Где Тота? Я пересплю с ней раз-другой... прежде, чем бросить цебоидам!

Он начал атаку. Стальное жало древнего клинка метнулось к лицу короля, и клочок седых волос из бороды закружился в воздухе. Выпад, удар, финт, удар.... Плечо Орга обагрилось кровью, потом - рука, бедро, кисть.... Воины, подпиравшие его сзади, падали на землю, под мечами женщин. Края бреши сходились, рана в бронированном теле фаланги затягивалась. Король остался один.

Мощным ударом Роман разрубил его щит.

- Зря ты послушался Хончо, - выдохнул он. - Теперь твой парод опозорен навсегда! Женщины побеждают питцинов!

Этого Орг не мог вынести. С гневным криком он ринулся на обидчика, целясь клинком в горло Роману. Огромный меч взлетел вверх, сверкнул, опустился - и его торжественную песнь прервал вопль боли и ярости, исторгнутый из груди короля. Его правая рука, все еще сжимавшая клинок, падала на землю. Какой-то миг Орг в замешательстве смотрел на кровавый обрубок, потом взревел, сорвал с пояса короткую булаву и бросился вперед. Он ничего не видел перед собой.

Роман отступил, вытянув на всю длину залитое багровым соком лезвие. Оно было продолжением его руки - смертоносным, хищным, жаждущим; оно пронзило кожаный доспех, сокрушило ребра, прошло насквозь массивный торс короля питцинов. Стальной язык высунулся из спины Орга, вытягиваясь все дальше и дальше, пока толстая крестовина рукоятки не уперлась в его грудь. Мгновение противники стояли, покачиваясь, глядя друг другу в глаза; затем Орг попытался плюнуть в лицо Роману и бессильно соскользнул на землю, потянув за собой лезвие меча.

Роман освободил клинок и одним ударом рассек толстую кабанью шею. В трех ярдах от него грохотал бой; питцины бросались на копыта фаланги, пытаясь прорваться к своему королю. Пнув носком шишак, Роман сбил шлем, ухватился за сальные щетинистые волосы и поднял голову Орга на вытянутой руке.

- Питцины! Вот ваш король. Голос его перекрыл шум битвы. Шли секунды, лязг мечей не стихал, потом вскрикнул один воин, другой... Горестное эхо прокатилось по остаткам орды, и шеренги, еще мгновение назад бившиеся насмерть, откатнулись. Роман прокричал приказ, и фаланга тоже попятилась - медленно, осторожно, оставляя между собой и противником все расширяющуюся щель и вал трупов.

- Просигналь катапультам, - Роман обернулся к Зено. - Пусть не жалеют снарядов!

Он привстал на носках. Тота была там, за безумной толпой варваров; глаза ее расширились, когда она увидела голову отца. Роман помахал кровавым обрубок с остекленевшими глазами. Ключет ли эта дикарка на приманку? Гнев легко разгорался в ее сердце.

Она клюнула. Роман видел, как ее кулачки застучали по широкой спине возничего; потом она подняла руку, и долгий, пронзительный, плачущий вскрик рога раскатился над равниной. Колесницы, медленно набирая ход, двинулись к застывшей фаланге.

Роман улыбнулся, как почуявший свежую кровь тигр, и закричал Исме:

- Перестраивай отряд! Все - в двойную шеренгу! Растянуть строй! И ждать моей команды!

Плотный строй начал неторопливо вытягиваться в обе стороны. Роман был повсюду - хвалил, понукал, лстыл, угрожал. До победы оставался один шаг. Женщины еще дрожали от ярости боя; их оставалось больше пятисот против сотни питцинских колесниц. Если Тота попадет в ловушку, сражение выиграно.

Колесницы набрали скорость и врезались в беспорядочно отступавшую массу варваров. У Тоты появился шанс подумать. Она могла не начинать бой, отойти назад, перегруппировать силы. Орда еще имела преимущество и в численности, и в звериной силе и ярости бойцов.

Но Тота трубила атаку. Бегущие воины волной накрыли полумесяц колесниц, и равнина мгновенно превратилась в хаос. Свист сверкающих стремительной сталью ножей, вопли погибающих варваров, ругань возниц, храп и пронзительное ржание лошадей смешались в оглушительной какофонии. Одни дикари с перерубленными ногами падали под колеса, другие пытались схватить под узды лошадей, сбить наземь возничих и очистить путь к отступлению. Колесницы замедлили ход, атака захлебнулась.

Но яростное упорство не покинуло Тоту. Ее колесница пробивалась вперед, копьё в руках девушки стремительно мелькало, пронзая хрипящие рты, шеи, поднятые в мольбе руки. Окровавленная толпа медленно просачивалась сквозь строй боевых повозок, редела, истончалась. Свободное поле легло под колесами, и Тота вновь затрубила в рог. Она сама шла в ловушку.

Двойная шеренга женщин протянулась в пятидесяти ярдах. Возничие нахлестывали лошадей, но на таком расстоянии колесницы явно не успевали набрать скорость. Роман стоял на правом фланге, меряя взглядом суживающуюся полосу земли. Сорок ярдов. Грохот копыт, плещущие гривы, обезумевшие глаза лошадей. Крики возничих и воинов накатывались грохочущей волной. Тридцать ярдов. Роман сунул меч под мышку и приставил ладони ко рту. Двадцать ярдов. Десять, Пять. Он набрал в грудь воздух. У одной колесницы сломалась ось; люди, лошади и повозка покатались по земле, смешавшись в кровавую грудку.

- Пора! - закричал Роман. - Пора!

Цепь расступилась, открывая проход колесницам. Женщины, не успевшие отпрыгнуть в сторону, падали ничком под сверкающие лезвия; некоторым удалось уцелеть. Два десятка попали прямо под ножи - одним отсекло ноги, другие были перерублены пополам. Но в целом маневр удался.

Прижимая локтем меч, по-прежнему приставив сложенные лодочкой ладони ко рту, Роман прокричал:

- Развернуться кругом! Атаковать и уничтожить!

Этого приказа он мог не отдавать. С воплями триумфа, потрясая копьями и мечами, женщины ринулись за колесницами. Те уже почти остановились, завязнув в толпе цебоидов, устремившихся в атаку с обоих флангов. Воительницы знали, что делать – Роман велел в первую очередь подрезать сухожилия у лошадей. Его распоряжение было исполнено быстро и эффективно; вал бьющихся, истекающих кровью животных покрыл землю. Колесничих закалывали копьями, рубили мечами. Питцины храбро оборонялись, но их участь была предрешена. Они не привыкли сражаться пешими и вдвое уступали по численности разъяренным фуриям Исмы.

Роман видел, как билась Тота. Сообразив, что попала в западню, девушка спихнула возничего с колесницы и взяла поводья сама. Без шлема и щита, размахивая длинным копьем, она прошла ряды цебоидов, оставляя кровавый след, и бросилась в гущу схватки. Несомненно, она хотела найти смерть в этом сражении – в битве, сломившей силу и мощь ее племени. Роман не имел ничего против такого исхода.

Бой подходил к концу. Сквозь сутолоку метавшихся тел и клубы пыли разведчик попробовал разобраться, что творится в пылающем лагере, но безуспешно. Он огляделся. Пустая колесница замерла неподалеку. Тело возницы с пробитой копьем грудью скорчилось под колесами, лошади стояли спокойно, пощипывая чудом сохранившиеся кустики травы. Роман сунул меч в ножны, схватил поводья и мигом запрыгнул на покачнувшийся под его тяжестью помост.

– Я скоро вернусь, – сказал он Зено, неотступно следовавшему по пятам.

– Передай Исме, что...

– Господин, берегись! – взвизгнул ньютер, отскакивая в сторону. Ужас застыл в его глазах.

Роман обернулся – Тота, нахлестывая лошадей, летела прямо на него. Пряди черных волос, как змеи, метались вокруг окровавленного лица, распяленный в крике рот казался алой раной. Она подняла дротик. Острие сверкнуло в тусклом утреннем свете; пять метров отделяло его от груди Романа. Он потянул меч. Поздно, слишком поздно!

– Ты умрешь, Роман! Вот – твоя смерть! В моих руках!

Внезапно она дрогнула, дротик сорвался, полетел, чиркнув Романа по бедру. Выпустив поводья, Тота медленно завалилась набок, из-под левой груди торчал наконечник копья. Она еще пыталась что-то сказать, пристально глядя на Романа тускневшими зрачками, шепнуть не то проклятье, не то вызов, но захлебнулась кровью и рухнула через борт колесницы.

Исма обошла колесницу сзади и выдернула копье из тела питцинки. Глаза ее горели торжеством.

– Все кончено, – сказала она. – Мы уничтожили их. Навсегда! И я, спасла твою жизнь. Я, Исма, Верховная Жрица Тарна!

Роман спрыгнул с колесницы и неторопливо склонил голову.

– Да, это правда. Прими мою благодарность, Исма. – Он насторожился. Никогда жрица не была такой опасной, как сейчас, в миг победы.

Исма улыбнулась и подала знак. Из-за ее спины выступил ньютер с кубком; Роман не встречал его раньше во дворце. Он почувствовал тонкий возбуждающий аромат слипа и непроизвольно сглотнул – в горле у него пересохло.

- Выпей в честь победы, мой господин, - жрица протянула ему кубок. - И я выпью - после тебя.

Язык Романа почти прикипел к небу. Он принял кубок и уставился на Исму. Может быть, она считает его дитем? Или недоразвитым цебоидом? Ее хитрости шиты белыми нитками. Сейчас он сделает шаг вперед, споткнется и выплеснет это пойло в грязь. Роман поднес кубок ко рту.

Пронзительный крик раздался сзади.

- Нет, господин, нет! Не пей! Я видел! Там - отравы!

Зено выскочил из-за его плеча, руки молодого ньютера тянулись к блестящему тексиновому сосуду. Взметнулся меч Исмы, жалобно зазвенела и распалась цепь на груди Зено, и он повалился на бок, судорожно подогнув колени. Под сердцем медленно расплывалось красное пятно.

- Ты зря сделала это, Исма, - хриплый голос Романа был тихим и напряженным. Он наклонил кубок, и рубиновая жидкость потекла на землю, мешаясь с кровью Тоты. - Это всегда будет между нами. Всегда!

Он швырнул кубок ей в ноги, поднялся на колесницу и разобрал поводья. Исма отскочила в сторону, когда боевая повозка рванулась вперед и кривые ножи зазвенели тихую свистящую песнь. Что было в ее глазах! Боль? Сожаление? Гнев?

Роман ехал к спаленному лагерю, заранее предчувствуя, что там никого нет. Лошади мчались через поле, заваленное трупами в кожаных панцирях и мохнатых меховых колпаках; кое-где сверкали бронзой тексиновые доспехи. Израненный питцин с обезумевшим взглядом трудился над трупом цебоида, методично разрубая его на части. Откуда-то прилетело копье, вонзилось ему в шею, и варвар растянулся рядом с изуродованным телом своего врага.

Зулькия и Хончо исчезли. Роман быстро осмотрел столбы, к которым была привязана девушка - кто-то в спешке перерезал кожаные ремни кинжалом или мечом. Видимо, Хончо. После гибели Орга он не стал дожидаться мрачного финала битвы.

Роман подстегнул лошадей, держа курс на север. В этом мире у него осталось совсем немного незавершенных дел.

<http://tl.rulate.ru/book/22670/485367>